

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 80:94(47)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В РАБОТАХ П.А. КУЛАКОВСКОГО

В.А. АПЕКУНОВ

(Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Статья посвящена учёному-слависту конца XIX – начала XX вв. П.А. Кулаковскому, а также его исследованиям в области истории и литературы сербского и хорватского народов в XVIII – первой половине XIX вв. В своих трудах учёный затрагивал важные аспекты, которые были связаны с национальным возрождением в этих странах. Несмотря на то, что Кулаковский рассматривал данную проблему с позиции панславизма, его работы для славяноведения стали уникальными. Они позволяют составить подробную картину того, каким образом протекало национальное возрождение в Сербии и Хорватии в указанный период времени. Проанализировано отношение учёного к сложившимся у деятелей национально-освободительного движения и учёных-славистов концепциям обоснования необходимости создания общеславянского языка или принятия в качестве такового для славян одного из уже существовавших на тот момент времени языков.

Ключевые слова: славяноведение, панславизм, национальное возрождение, Сербия, Хорватия, славянский мир, общеславянский язык.

Введение. Платон Андреевич Кулаковский известен в научных кругах не только как учёный-славист, но также и как общественный и политический деятель Российской империи. За свой долгий период работы он занимал должность издателя журнала «Окраины России», редактора «Правительственного вестника», а также был одним из активных членов «Русского окраинного общества». Более того, фактически он являлся руководителем отделения РОО в Северо-Западном крае.

Круг деятельности П.А. Кулаковского был довольно обширным. Труды этого учёного, несмотря на некоторую критику со стороны других учёных, его современников, стоит рассматривать как ценный источник по истории и литературе южных славян. Кроме того, анализируя научное наследие П.А. Кулаковского во всём его многообразии, необходимо обратить внимание не только на само содержание работ учёного, но и на его взгляды.

П.А. Кулаковский придерживался как славянофильских взглядов на устройство России, так и панславистских, а также западнорусских убеждений. Он искренне считал возможным объединение всех славянских народов под эгидой Российской империи как единственного суверенного оплота славянского мира на тот момент времени. Свои тезисы по этому вопросу Кулаковский аргументировал в многочисленных заметках, статьях, очерках, а также монографиях. Несмотря на то, что в своих работах, так или иначе, он затрагивал фактически все славянские народы, тем не менее, значительный период как его жизни, так и его научных изысканий пришёлся именно на южнославянские страны, такие как Сербия и Хорватия.

Цель настоящей статьи – определить и проанализировать концептуальные положения и оценки, содержащиеся в трудах П.А. Кулаковского, выявить его вклад в изучение истории и литературы южнославянских народов.

Основная часть. Прежде всего, П.А. Кулаковский известен как специалист по истории и литературе южных славян. Его работы, посвящённые реформе сербского языка Вуком Караджичем, а также истории хорватского национального возрождения, были уникальными для российского славяноведения, поскольку это были первые работы, посвящённые данным вопросам. Они представляют собой ценный источник по изучению истории и литературы сербов и хорватов в конце XVIII – первой половине XIX вв., т.к. П.А. Кулаковский собрал и обобщил огромное количество материала.

До самого П.А. Кулаковского уже предпринималась ранее попытка осветить деятельность Вука Караджича. Сам учёный в предисловии к своей монографии упоминает некоего Ковачича, который в 1881 г. в журнале «Slovinac», по-видимому, и опубликовал результаты своей работы. Вероятнее всего, Кулаковский говорил об историке и педагоге Христифоре «Ристо» Ковачиче, однако учёный ограничился лишь его кратким упоминанием в предисловии к своему труду о Вуке Караджиче. Более подробных сведений он по каким-то причинам в своей работе не сообщает. В то же время Кулаковский подчёркивает, что попытка эта «представляет лишь собрание и перепечатку материалов, причём этот труд страдает значительной неполнотой вследствие трудности иметь под руками все сербские издания» [3, с. 8].

Свой же труд Кулаковский начинает с анализа, так называемой, новой сербской литературы до начала деятельности Вука Караджича. Обзор литературы ученый проводит лишь с XVIII в. Там учёный приходит к выводу о том, что в XVIII в. языком сербских писателей был так называемый «славяно-сербский» язык, т.е. церковнославянский язык с примесью разных сербских слов, форм и выражений [3, с. 9]. Именно в XVIII в. формируется течение «славяно-сербов», представители которого впоследствии отрицательно, как отмечает П.А. Кулаковский, относились не только к языковой реформе Вука Караджича, но также и к идее использования в литературе сербского языка.

На сербском же языке в XVIII в. писали свои произведения лишь единичные авторы. Так, например, П.А. Кулаковский ссылается на Гавриила Стефановича и на Досифея Обрадовича, в чьих сочинениях использовался именно сербский язык. И если у Стефановича произведения были наполнены в основном религиозным содержанием, то уже сочинения Обрадовича, такие как «Жизнь и приключения» и «Советы здравого разума», благодаря использованию сербского народного языка были более понятны простому народу, носили морально-поучительный характер, были проникнуты любовью к человеку, и указывали на пороки общества, которые необходимо устранять.

Вместе с тем П.А. Кулаковский отмечает, что Обрадовичу не удалось создать свою школу писателей, хотя последователи у него были [3, с. 35]. Прежде всего, это было связано с тем, что влияние славяно-сербов всё ещё было велико, а таких деятелей, как Досифей Обрадович, были лишь единицы. Тем не менее П.А. Кулаковский пишет, что деятельность Обрадовича подготовила почву для последующей деятельности «скромного селяка, не получившего никакого школьного образования, но вместе с тем, хорошо знавшего потребности и народный язык, и одарённого выдающимся умом и замечательными способностями», как учёный охарактеризовал Вука Караджича [3, с. 35–36].

Возникает вполне закономерный вопрос: почему же Кулаковский проводит обзор сербской литературы лишь с XVIII в., не затрагивая при этом более раннее время? Вероятнее всего, ответ на этот вопрос кроется в том, что Кулаковского интересовали скорее те аспекты, которые наиболее близко были связаны с сербским национальным возрождением и обретением ими в последующем независимости.

П.А. Кулаковский сводит деятельность Вука Караджича по реформированию сербского языка к двум большим по времени этапам. Собрание песен, преданий, разбор основ языка, особенностей различных говоров, издание трудов – это был первый этап его творческой деятельности. Второй этап П.А. Кулаковский обозначает условно как деятельность по переработке и пополнению своих трудов [3, с. 76].

В 1814 г. была издана так называемая «Письменница сербского языка», под которой учёный подписался как Вук Стефанович Сербянец. Особенность «Письменницы» заключалась в том, что именно там впервые Караджич поднимает вопрос о правописании. Учёный в своём труде сформулировал простое правило: «пиши, как говоришь и читай, как написано». Караджич поставил себе задачу составить новую грамматику, взяв за образец грамматику Авраама Мразовича, в своё время заменившую грамматику, созданную ещё Мелетием Смотрицким в 1618 г. под названием «Граматики словенской» и введённую в сербские школы как основной учебник по грамматике [3, с. 60].

В 1818 г. был издан словарь, известный также как «Сербский речник», который включал в себя более 26 тысяч слов. С момента издания данного словаря, как отмечает П.А. Кулаковский, окончательно определяется значение Караджича в деле реформирования сербского языка [3, с. 69]. Дело в том, что словарь является не просто собранием сербских слов, но также включает в себя песни, предания, обычаи и многое другое. Фактически «Сербский речник» Караджича являлся пособием по изучению сербского народа как такового.

Вук Караджич, как отмечает П.А. Кулаковский, писал труды не только чисто по сербской филологии. Он оставил после себя работы, посвящённые как вопросам грамматики сербского языка, так и самой истории Сербии. Значительное внимание Караджич уделил и проблеме сербской борьбы за независимость, что нашло впоследствии своё отражение в статье, которая дополнялась на протяжении нескольких лет (с 1828 по 1834 гг.). Проанализировав эту статью, Кулаковский вынужден был признать, по сути, что Караджич в угоду живости своего рассказа несколько пожертвовал его содержательной стороной, ставя ему в укор односторонность и неполную содержательность статьи. Тем не менее общее впечатление от прочитанного текста у Кулаковского сложилось скорее положительное, чем критическое. Не сбрасывая со счетов проблемы, которые присутствовали, учёный всё же признаёт литературную и историческую ценность данной статьи [3, с. 99].

Давая оценку произведениям Вука Караджича, Кулаковский написал в своей работе следующее: «Таким образом, на исторические произведения Вука Караджича можно смотреть, как на начало известности сербского народа в Европе, которая до Караджича весьма мало насчитывала сочинений, в которых бы говорилось о Сербии и сербском народе... Что касается языка всех исторических трудов Караджича, то он может быть назван оригинальным во всех отношениях. Это совершенно оригинальная проза, которую до него никто не писал, и простота рассказа, часто напоминающего эпический тон сказки, делают эти произведения Караджича одними из самых замечательных в сербской литературе» [3, с. 110–111].

Самым же обстоятельным, как считает Кулаковский, трудом учёного-реформатора по сербскому языку и орфографии стало второе, переработанное издание его «Сербского речника» в 1852 г. в Вене. В новое издание словаря вошли все материалы, которые многие годы собирал Караджич. В их числе народные песни, предания, пословицы, географические и этнографические заметки. Кроме того, объём словаря по количеству слов увеличился вдвое.

В числе главных достижений Караджича Кулаковский выделяет несколько моментов. Во-первых, учёный подчёркивает важность и значение языковой реформы Вука Караджича, говоря о том, что благодаря данной реформе, «книга потеряла тот характер учёности, который отличал всякое произведение, писанное на языке «славяно-сербском». Она стала понятной всякому грамотному человеку» [5, с. 4].

Во-вторых, он отмечает, что среди собирателей народного фольклора Караджич занимал ведущие позиции, причём не только применительно к сербской литературе, но и относительно других славянских литератур вообще. В-третьих, отмечались его заметные успехи в создании сербской национальной литературы.

Но в то же время, Кулаковский высказывает своё сожаление и неудовлетворение тем фактом, что Караджич якобы своей реформой языка порвал связи с русским языком и литературой. Учёный считал, что сербская литература имела достаточную силу, чтобы развиваться совместно с русской, но Караджич предпочёл литературу «малого сербского народа, которая вследствие своей слабости легко может стать лишь отголоском направлений совершенно чуждых сербскому народу» [3, с. 233].

Кулаковский в своей работе всячески доказывал, что для Караджича было ошибкой разрывать связи с русской литературой. Так, по его мнению, отказ от книжного славяно-сербского или русско-сербского языка означал разрыв союза с русской литературой, что обрекало новую сербскую словесность на изоляцию и подвергало ее значительным опасностям.

Доподлинно неизвестно, какой была реакция в Сербии на работу, посвящённую Вуку Караджичу. Однако, согласно очерку К.Я. Грота, посвящённому Кулаковскому, можно сделать вывод о том, что точка зрения учёного нашла немало своих сторонников не только в России, но и за её пределами. При этом оговаривалось, что не все представители славянского юга и запада были согласны с суждениями Кулаковского [2, с. 11]. В дополнение стоит отметить, что самому Кулаковскому к 1882 г. пришлось покинуть Сербию в связи со сменой внешнеполитического курса Сербии во главе с князем Миланом I Обреновичем (ставшим в том же году первым королём Сербии) в пользу сближения с Австро-Венгрией. В России же за свой труд Кулаковский был удостоен степени магистра славянской филологии.

«Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения», как был озаглавлен очередной масштабный труд русского учёного-слависта П.А. Кулаковского, задумывался, по словам самого автора, давно. Данный период в истории хорватского народа являлся на тот момент времени малоизученным, чем, собственно, Кулаковский и объяснял в первую очередь актуальность своего масштабного исследования. Кроме того, он считал, что изучение иллиризма как культурно-политического движения позволило бы как устранить недоразумения между сербами и хорватами, так и способствовать укреплению связей русского и хорватского народов.

Однако несмотря на то, что труд Кулаковского, посвящённый проблеме иллиризма, признаётся первой фундаментальной работой в этом направлении, всё же необходимо отметить, что иллиризм в российском славяноведении довольно активно изучался, в частности, А.Ф. Гильфердингом, Н.А. Поповым и другими русскими славистами. На это обстоятельство указывают современные российские исследователи, занимавшиеся смежными вопросами.

Кулаковский стремился охватить все аспекты хорватского национального возрождения, естественным образом затрагивая и политические вопросы, поскольку, как впоследствии будет видно из содержания его работы, одной из проблем иллиризма являлась политика мадьяризации и, как следствие, политическая борьба хорватов и венгров на почве языка.

Кулаковский оценивает иллиризм как «одну из самых плодотворных литературных и политических теорий» в славянском мире. Он подчеркивает, что общеславянская составляющая идеи иллиризма, по его мнению, повлияла на дальнейшие стремления сербов, хорватов и словенцев к взаимному сближению. В то же время он выражал надежду на то, что дело иллиризма однажды выйдет за пределы славянского юго-запада.

Между тем, по мнению Кулаковского, иллиризм с самого начала являлся движением, которое в итоге будет обречено на неудачу. Здесь сказывались слишком сильные различия между южнославянскими народами, которые планировалось объединить в «Великую Иллирию». Различия эти были культурного, языкового, вероисповедного и политического характеров – слишком много было противоречий для подобного объединительного проекта. «Каждое племя, каждая народность, – писал П.А. Кулаковский, – старательно берегла всё, отличающее её от других, хотя бы самых сродных. Может быть, в этом сказывалась и старая свойственная славянам черта – крайнее развитие племенного индивидуализма» [4, с. 151].

Свою работу он заканчивал следующим суждением: «Достигнут ли юго-западные славяне такого объединения с восточными славянскими ветвями – это вопрос будущего, но несомненно, что иллирская

теория со всеми своими дальнейшими выводами пробудила и обосновала такое стремление, возбудила энергию в тогдашних деятелях и направила югославян к такой задаче» [4, с. 411].

Результаты исследований в области иллиризма получили признание в России. В 1895 г. Кулаковский, помимо получения степени доктора славянской филологии, за свой труд, посвященный иллиризму, был удостоен премии им. А.А. Котляревского. Высоко о работе отзывался и хорватский филолог-славист И.В. Ягич, о чём свидетельствует его отзыв для Петербургской академии наук: «За П.А. Кулаковским остаётся неотъемлемая заслуга, что он первый подарил русской и всем славянским литературам историю столь знаменитого и столь много шума наделавшего в своё время иллиризма. Он создал этот почтенный труд очень старательно, приложив к нему много усилий, отнёсся к своей задаче с любовью, вниманием и научным беспристрастием. Он взялся за свой труд без предвзятых мыслей, добивался везде раскрытия истины» [9, с. 17].

Выводы, к которым приходил в своих работах Кулаковский, вполне соотносились с духом идейного течения панславизма, который, как известно, подразумевал своей конечной целью объединение всего славянского мира или, по меньшей мере, большей его части. Причём, данное объединение должно было произойти на основе политических, литературных, языковых и других начал. Поэтому неслучайно, помимо всего прочего, на горизонте появилась проблема создания единого славянского литературного языка.

Проблема единого общеславянского языка долгое время занимала умы как славянских общественных деятелей, так и многочисленных учёных-славистов. В частности, своё отражение данная проблематика нашла и в научных трудах П.А. Кулаковского. Свои взгляды на общеславянский язык он оформил в виде специального труда под названием «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян», изданного в 1885 г. в Варшаве.

В своей работе П.А. Кулаковский отмечает, что вопрос об общеславянском языке решался на протяжении нескольких веков двумя путями. С одной стороны, единый язык мог появиться искусственно, на основе навязанных ему извне форм. Так, например, в XIX в. подобную идею пытались продвинуть Ян Геркель и Матий Маяр Зильский. Геркель в своём варианте склонялся к использованию словацкой основы, в то время как Маяр видел в совместном действии азбуки и орфографии основу для единения славян. И ключ к данному единению, по мнению Маяра, – принятие кириллицы. Подобное предложение было поддержано и в других славянских странах, и более или менее успешно кириллица внедрялась в другие языки.

М. Маяр активно продвигал идею создания «взаимного» языка, о чём он писал следующее: «Писать взаимно – значит писать на теперешних литературных языках так, чтобы каждый образованный славянин в случае нужды мог понимать всякую взаимно написанную славянскую книгу». Его идея заключалась в отборе тех форм, которые так или иначе встречаются в славянских языках и наречиях, и создании на их основе единого языка, в основу которого закладывалась бы, так называемая, «взаимная грамматика» [10, с. 114].

Однако Кулаковский приходит к выводу о том, что идея Маяра была довольно шаткой. В эпоху, когда жил Маяр, привести все языки к общему знаменателю было крайне проблематично, если не сказать, что совсем невозможно [7, с. 30].

В то же время существовал более простой, на первый взгляд, путь, который заключался в принятии единого языка из уже существовавших на тот момент времени «для удовлетворения высших потребностей славянской культурной жизни» [7, с. 6]. Сам Кулаковский считал, что именно русский язык имел больше других шансов стать общеславянским языком. Ещё в XVII в. высказывались мнения, что именно русский язык должен был стать литературным языком славян. Такая точка зрения высказывалась в церковных кругах. Причём, как подчёркивал Кулаковский, русский или русско-славянский язык должен был стать литературным не только для всех южнославянских народов в целом, но и для сербов в частности. Интересно, что такое мнение поддерживалось не только православными, но и католическими священниками на южнославянских землях [6, с. 23].

Кроме того, учёный обращает внимание и на весьма решительные высказывания некоторых славянских деятелей национального возрождения, например, Людевита Штура, считавшего, что русская азбука «вполне и без всяких затруднений передаёт на письме славянские звуки» [7, с. 49].

Однако необходимо заметить, что и концепция русского языка как общеславянского в некоторой степени уязвима. Несмотря на тот факт, что к середине XIX в. Российская империя была единственным независимым государством, имеющим развитый язык, литературу и культуру в целом, имелись в славянском мире и другие народы, которые к этому времени хотя и утратили свою государственность, однако имели также и развитую культуру, и историю государственности. Красноречивым примером такого народа мог являться польский, который, с большой долей вероятности, категорически отверг бы подобную концепцию.

Учёный пишет, что в ситуации, когда представляются возможным два варианта развития событий – сохранение самобытной литературы для каждого славянского народа в отдельности, либо же подчинение отдельных славянских языков чуждым нормам, признание русского языка в качестве единого литературного языка славян было бы, по его мнению, «меньшим злом» [7, с. 56]. При этом, выдвигая данный тезис, он отмечает, что принятие русского языка в качестве общеславянского – всё же не единственный путь решения данного вопроса.

Заключение. Подводя итог рассмотрению основных работ П.А. Кулаковского по истории и литературе южных славян, в первую очередь, сербов и хорватов, вне всякого сомнения, можно заявить, что П.А. Кулаковский оставил глубокий след в развитии славяноведения в Российской империи. Собранный Кулаковским материал наглядно и подробно иллюстрирует ситуацию, которая сложилась в южнославянских странах в период их национального подъёма.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что субъективный подход к рассмотрению проблемы национального возрождения южнославянских народов является основным недостатком исследований учёного. В этой связи стоит отметить искреннюю убеждённость П.А. Кулаковского в том, что Россия должна была играть ведущую роль в славянском мире, а объединение славянских народов, вначале культурное – на почве единого общеславянского языка (причём сам П.А. Кулаковский видел в своих исследованиях таковым именно русский язык), а затем и политическое, должно было происходить именно под эгидой России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, К.М. Русское окраинное общество: возникновение, политические цели и задачи / К.М. Бондаренко // Романовские чтения : сб. тр. Междунар. науч. конф., Могилев, 21 окт. 2004 г. / Могилев. гос. ун-т им. А.А. Кулешова ; под ред. О.В. Дьяченко. – Могилев, 2005. – С. 27–34.
2. Грот, К.Я. Платон Андреевич Кулаковский / К.Я. Грот. – СПб. : Сенатская типография, 1914. – 28 с.
3. Кулаковский, П.А. Вук Караджич: его деятельность и значение в сербской литературе / П.А. Кулаковский. – М. : Типография бывш. Ф.Б. Миллера, 1882. – 256 с.
4. Кулаковский, П.А. Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения / П.А. Кулаковский. – Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1894. – 513 с.
5. Кулаковский, П.А. Лукиан Мушицкий // Журн. М-ва Народного Просвещения, 1881. – 40 с.
6. Кулаковский, П.А. Начало русской школы у сербов в XVIII веке: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы // П.А. Кулаковский. – СПб. : Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1903. – 176 с.
7. Кулаковский, П.А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке славян / П.А. Кулаковский. – Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1885. – 57 с.
8. Лаптева, Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л.П. Лаптева. – М. : Индрик, 2012. – 839 с.
9. Памяти П.А. Кулаковского. – Пг. : Типография В.Д. Смирнова, 1915. – 41 с.
10. Чуркина, И.В. Всеславянская модель Матия Маяра Зильского / И.В. Чуркина // Славянский альманах. – 2001. – С. 106–119.

Поступила 05.07.2021

THE NATIONAL REVIVAL OF THE SOUTH SLAVIAN NATIONS IN THE WORKS OF P.A. KULAKOVSKY

V. APEKUNOV

This article is dedicated to the Slavic scholar of the late 19th – early 20th centuries P.A. Kulakovsky, as well as his research in the history and literature of the Serbian and Croatian peoples in the 18th – first half of the 19th centuries. In his writings, the scientist touched upon important aspects that were associated with national revival in these countries. Despite the fact that Kulakovsky considered this problem from the standpoint of Pan-Slavism, his works for Slavic studies became unique. They provide a detailed picture of how the national revival took place in Serbia and Croatia during this period of time. The attitude of the scientist to the concepts of justifying the need to create a common Slavic language or to accept as such for the Slavs one of the languages that already existed at that time is analyzed.

Keywords: Slavic studies, Pan-Slavism, national revival, Serbia, Croatia, Slavic world, common Slavic language.